

Игорь Шестков "У Григория Егоровича"

Поехал я к Григорию Егоровичу.

Жил он в Опалихе. В старом деревенском доме. С женой Лизочкой, с двумя ее дочками от первого брака и с их собственным двухлетним сыном Ромочкой.

Григорий Егорович купил осенью пчел. А сейчас был март. Пчелы еще «спали». Но вот-вот должны были проснуться. Чтобы совершить первый, гигиенический полет. Поэтому Григорий Егорович пригласил отца Ливерия освятить пчел. А меня позвал – чтобы я с батюшкой познакомился и, может быть, получил бы от него заказ на икону. Я как из института уволился, начал иконы писать и оклады к ним чеканить. Первый раз в жизни начал что-то путное делать, говорила верующая подруга жены Соломинка. Соломинка эта была мне по-женски симпатична, поэтому я слегка перед ней заискивал.

С Григорием Егоровичем меня познакомила та же Соломинка в подмосковном Боголюбском храме. Он мне очень понравился. Не храм, а Григорий Егорович. Маленький московский интеллигент. Курчавый. Старый. Сын академика. Но не сноб, не карьерист, а нечто противоположное – отказавшийся от карьеры, удивительно скромный человек. Не холодный, не пассивный, а активный, горячий.

Человек милый, растрепанный и с закидонами. Закидон первый – женился на женщине, на тридцать лет его моложе. На Лизочке! Закидон второй – бросил московскую квартиру, институт итд – и переехал жить под Москву, в деревенский дом. Закидон третий – стал православным. Закидон четвертый – купил козу и пчел и рассчитывал, что они его «прокормят и пропоят». Я люблю таких людей. Окружающему нас большому безумию они противопоставляют свое, маленькое. И не распускают нюни.

Приехал я в Опалиху. На электричке. В будний день. Было прохладно, но не холодно. Солнышко светило. Народу на перроне было мало. А как отошел от станции и попал в лабиринт деревенских улиц – и вообще никого. Все на работе. Социализм, всеобщая занятость. Спросить некого, где же тут треклятая улица Лесная. Рядом улицы: Колхозная, Заводская, Павки Корчагина, Цветочная,

Зеленая. Зеленая есть, а Лесной, как назло, нет. Говорил мне Григорий Егорович по телефону – иди точно по схеме, сам никогда не найдешь! А я, дурак, не послушал. Потерял бумажку. Плутал, плутал, ходил, ходил. Наконец, вижу – тащится мне навстречу какой-то дядечка. Я к дядечке подошел и сказал:

«Извините, где тут Лесная улица?»

Деревенские люди пугливы как лани. Дядечка от меня отпрянул и с почтительного расстояния промямлил: «Не знаю я ничего, иду вот в магазин, иди и ты своей дорогой!»

«Вот в этом и вопрос, где моя дорога? Где тут Лесная?»

«Да, у нас тут есть лес. А осенью в нем грибов много».

«До осени ждать долго! Мне бы сейчас Лесную найти».

«А вам кого там надо, на Лесной?»

«Там живут мои друзья – Лизочка и Григорий Егорович, который пчел купил».

«Это тот, кто у Семеныча пчел купил?»

«Не знаю, у Семеныча или у кого еще, но купил».

«Тот не на Лесной, а на Академика Павлова живет!»

«Нет, на Лесной. Григорий Егорович. У него коза Матрена».

«У Егорыча коза? Нету у Егорыча козы. У него куры. А козы нет».

Тут я понял, что разговор наш уносится в беспредельную даль. Сказал:

«Спасибо, спасибо, я сам найду!» И пошел дальше. Когда отошел метров тридцать, услышал: «Второй поворот налево, потом направо, там недалеко».

Крикнул сердобольному дядечке: «Спасибо!» – и дальше потащился.

От моего крика залаяли все собаки в округе.

Указание оказалось точным, через десять минут я стучал в старую замызганную дверь Лизочкиного дома. Мне открыла одна из ее дочек. Открыла, посмотрела на меня кокетливо, засмеялась и убежала.

В сенях я услышал рев. Ревел очевидно Ромочка. Прошел в комнату. Увидел такую картину: слева вдоль стены, на которой висела репродукция картины «Охотники на привале», стояла гигантская двух- или трехспальная незастеленная кровать. На кровати прыгали, радостно ухая, довольно увесистые Лизочкины дочери – Лина и Илона. Там же пребывала и Лизочка, в розовой ночной рубашке. К кровати вплотную примыкал огромный дубовый стол. На

столе стояла неубранная после завтрака посуда. За столом сидел хозяин с сыном на руках. Григорий Егорович приветливо улыбался. Ромочка ревел.

Я сказал: «Здравствуйте, добрые люди!»

И поставил на стол подарки – бисквитный торт и четвертинку.

«Проходи, садись, мы рады тебя видеть!»

«А я рад видеть всех вас в хорошем настроении!»

«Лизочка, вставай, встречай гостя, корми всех нас и пои!» – сказав это, Григорий Егорович передал Ромочку жене, которая унесла его в другую комнату, и стал сам убирать со стола. Я сел на стул и осмотрелся. Ну и комната! Кроме вышеописанной кровати, стола и стульев, в ней стоял гигантский шкаф времен Ивана Грозного, весь заклеенный какими-то цветными бумажками, черное пианино, тоже как бы побывавшее в руках индейцев. На стене, противоположной «Охотникам» висело между окнами баскетбольное кольцо без сетки. Репродукция картины «Всадница». Икона. Лампадка. Кроме того, всюду были разбросаны разнообразные предметы. Странного вида деревянные рамы (они предназначались для пчел), громадный мешок с сахарным песком, детский бильярд с цветными шарами, большой кубический ящик с травой (для козы Матрены) итд..

«Пестро у нас, – заметила входя в комнату переодевшаяся Лизочка. – Это потому, что Григорий свою мебель из Москвы привез! А у меня еще старые мамины вещи лежат. Ну тут все и смешалось. Да еще вдобавок – пчелы».

«Не оправдывайся Лизочка, там где люди живут, – там хаос и беспорядок.

Порядок калечит душу! Святой дух изгоняет. Превращает человека в автомат.

Пойдем, Димыч, посмотрим на ульи и на козу».

Мы пошли в сад. Там стояло штук двенадцать ульев. Беспорядочно, как квадратики на супрематической живописи.

«Пчелки, пчелки, – приговаривал Григорий Егорович. – Вы наши кормилицы, будете медок давать, а я его буду продавать и о вас заботиться».

Он по хозяйски гладил ульи, прикладывал ухо к деревянным стенкам – слушал.

«Их поздней осенью последний раз накормили. Зимой они спали. А весной должны вылетать!» – сказал Григорий Егорович довольно неуверенно.

Неуверенно же приоткрыл дверку одного улья, взглянул с опаской внутрь и

поскорее закрыл. Пчеловод он был неопытный. Можно сказать, никаким пчеловодом он не был, но идею имел. Так часто бывает у русских людей – идей полно, планы – до небес, а что из этого всего выходит – недостойно и упоминанья. Забегая вперед, скажу, что пчелы у Григория Егоровича позже все-таки приносили мед, он даже продал килограмм двадцать, но жить и кормить семью, конечно, на эти деньги не мог, поэтому пчел после пары лет мучений ликвидировал.

«Да, должны вылетать. По первому солнышку, – продолжал экскурсию Григорий Егорович. – Но почему-то не вылетают. Потому я и батюшку Ливерия пригласил, пусть попоет, поблагословляет, авось пчелки и проснутся! Пусть он их святым духом окурит! Он сейчас прийти должен. Только бы не заболел. Не дай Бог! Старик крепкий, но со всеми бывает. Я ему про тебя рассказал. Он загорелся – домашнюю икону, говорит, давно хочу. Чтоб все святые там были – на меня, жену и на дочек. Но это ты с ним сам обсудишь. Пойдем теперь в сарайку».

Вошли в сарайку. Там стояла коза Матрена. Вид у нее был грустный. Серая шерсть сбилась клоками. Я от комментариев воздержался, а Григорий Егорович поцеловал козу в белый лоб, погладил и сказал: «Она у нас – эксперимент. Если будет молоко давать, купим еще коз...»

Опять-таки, забегая вперед, замечу, что эксперимент этот козий не удался. Хотя и не совсем. Коза Матрена жила в сарайке лет пять и действительно давала молоко, но пить его никто кроме хозяина не хотел. Григорий Егорович пытался из ее молока делать сыр, но получалось мало и невкусно. Зато Матрена стала домашней любимицей и с ней играли дети.

Обошли сад. Посмотрели заснеженный еще огород. Я заметил, что изгородь их участка местами от старости упала. Хозяину ничего говорить не стал, какое мне дело? Ненавижу привычку все время всех учить! Это дело Соломинки.

Вошли в дом. Лизочка в комнате прибралась. Ромочка заснул в своей кроватке в другом помещении. Девчонки куда-то делись. Вместо того, чтобы об изгороди поговорить, я начал остроумничать, спросил: «Ты, Григорий, помнишь анекдот про пчел?»

«Нет».

«Так слушай. Хотя это не анекдот, а просто присказка. Все фигня кроме пчел! Все! Но и пчелы – тоже фигня! Ты что кроме пчел и козы делаешь?»

«Сам не знаю. Как сюда переехал – появилась тысяча дел. День проскакивает, как встречный поезд в метро. Устал, набегался, а вроде ничего и не сделал. Встанешь перед сном на молитву, а Богу предъявить то и нечего! Ну и просишь простить, укрепить, помочь своему неверию! Ну да, еще и за больным отцом надо убирать. Его последняя жена ничего делать не хочет, только вещи сторожит, как бы чего из ее наследства не украли! А он уже два года под себя ходит. Так вот и мотаюсь каждый день. Туда-сюда. Иногда Лизочка ездит».

«Да, дела».

«Ну а ты что, свой институт послал?»

«Куда подальше! И очень счастлив. Только боюсь, закрутят большевики гайки! Поотрывают всем нам головы, когда дурь пройдет».

«Руки коротки! Джина из бутылки они уже выпустили. Народ назад в кандалы не загонишь! Ты посмотри, везде церкви открывают! Сколько времени поганили землю, теперь пора строить и святить!»

«Дадут они тебе строить! Не фига подобного. Да и забота у них сейчас другая – все хотят от России отъединиться. Ты что думаешь, коммунисты это допустят? Скорее они Прибалтику бомбами закидают, чем на Запад отпустят. И южные области, и Кавказ».

Тут Григорий Егорович вдруг весь преобразился и сказал страстно: «У меня на этот счет своя теория есть, я думаю, что весь Советский Союз, вся бывшая империя превратится скоро в светлое православное Царство! Все народы добровольно и с любовью к друг другу соединятся во Христе. Соборно!»

«Не ожидал от тебя, запел как Соломинка».

«А я думаю, никто с нами не пойдет, одни мы останемся, – вешалась в разговор Лизочка. – А в конце и Урал и Сибирь потеряем. И Москву – там будет главный вертеп. И будет как встарь только Владимирская Русь, бедная и обобранная. Вот в ней то пламя православное, может быть, и возгорится вновь».

«А может и потухнет навсегда. Без тюменской нефти тут гореть нечему», – не сдержался я.

«Потухнет это пламя, а возгорится новое. Русская земля – святая, у русских

души как свечки горят».

«И до тла сгорают».

Тут раздался властный стук в дверь. Дискуссия прекратилась. В дом ввалился громадный старик – отец Ливерий в черном длинном пальто поверх облачения.

Он всех благословил. Григорий Егорович и Лизочка поцеловали ему руку.

Сели за стол – «откушать, что Бог подал».

Отец Ливерий помолился. Во время молитвы все грустно смотрели вниз. Потом благословил еду и водку. Выпил, не морщась, рюмку. Чувствовалось – опытный боец. Я водку только пригубил, пить не стал – надо было сохранить ясность ума для разговора. Хозяева тоже выпили. Закусили все макаронами по-флотски и салатом. Потом подали чай, разрезали торт. Про торт батюшка высказался странно: «Ох, вкусен как бобер!»

Возгласил: «Ах ты, тряси́на зыбучая! Нагрешу перед постом».

И съел три больших куса.

После еды направились к ульям. Батюшка разжег кадило, начал кадить и читать молитвы. Он их не читал и даже не проговаривал, а очень быстро бубнил. Я не мог понять ни одного слова, хотя специально изучал старословянский. Григорий Егорович смотрел умиленно то на батюшку, то на ульи. Лизочка была спокойна. Еще во время учебы на мехмате она прошла все фазы «духовного развития», увлекалась дзен-буддизмом и экзистенциализмом, Малером и Шнитке, читала Веды и Хайдеггера. Все это серьезно. Остановилась на родном православии и обрела в нем покой и счастье. Да так глубоко в этот мир погрузилась, что смогла увлечь и Григория Егоровича, хотя и не без шарма Соломинки.

Лина и Илона во время процедуры освящения пчел хихикали и смеялись, но не мешали. Ромочка спал. Матрена была заперта в сарайке.

Я все время задавал сам себе вопрос – что же с тобой произошло, почему ты не хохочешь как эти милые дети, а всерьез участвуешь в этой идиотской церемонии? И приходил к неутешительному выводу – я ослабел, смирился с абсурдностью жизни, с собственной слабостью и даже нашел способ получать от всего этого удовольствие.

Мои угрызения продолжались не долго. Отец Ливерий был знаменит своей скоростью. Он последний раз окурил ульи и обрызгал их щедро святой водой.

Дал всем присутствующим поцеловать крест. Потом неожиданно сказал Григорию Егоровичу: «Что-то жужжанья не слышать. У тебя, милый, пчелы сдохли!»

Новоиспеченный пчеловод растерялся и инстинктивно открыл один из ульев. Совсем открыл. Глянул внутрь – там пчел не было! Куда они делись? Непонятно. Открыл другой – в нем пчел тоже не было. Третий – в нем пчелы были, но все лежали на дне улья мертвые. Григорий Егорович начал быстро открывать оставшиеся ульи. Когда он открыл предпоследний улей, оттуда вылетели вдруг сотни пчел.

Кошмар и ужас! Меня укусили только в руку. Позже я вытянул из кожи коричневое жало и высосал яд. Григория Егорыча укусили сразу восемь пчел, ему стало с сердцем плохо. Чтобы его откачивать, вызывали скорую помощь. Отца Ливерия тоже крепко искусали (пчелы не любят запах алкоголя, а этот запах был постоянным спутником батюшки), но он промыл укусы водой, замазал маслицем, а до этого даже помогал мне вести Григория Егоровича в дом. Странно, особ женского пола пчелы не тронули совсем.

«Добрые будут пчелы, – сказал, когда все улеглось, доедая торт, искусанный батюшка искусанному пчеловоду. – Приглашай на медок!»

А мне батюшка Ливерий заказал домашнюю икону, крестообразную, с изображением в центре Пресвятой Богородицы и святых: Ливерия, Евдокии, Анны, Зинаиды и Ульяны.

Следующий повод для встречи с семейством Григория Егоровича был траурным. Ромочка погиб. Попал под машину. Гулял по участку и вышел через провалившуюся изгородь на улицу. Уронил мячик. Побежал за ним. Его сбил сосед. Машина ехала медленно, но для двухлетнего малыша удар был слишком силен. Сосед и не заметил ничего. Лизочка почувствовала беду – выбежала из дома, стала звать и искать сына. Нашла его у обочины уже без дыхания.

Ромочку отпевали по православному обряду в церкви святого Николая. Отпевал не отец Ливерий, а отец Леонид, грузный, с огромным кадыком и маленькими пухлыми руками.

После службы гробик с Ромочкой унесли в машину. Родители, приглашенные и оба священника стояли у церкви. Разговаривали.

На Григория Егоровича и Лизочку и смотреть-то было страшно, не то, что говорить с ними. Я понимал, что разговор, ничего кроме боли им не принесет. Выдавил все-таки из себя: «Крепись, Григорий. Ромочка будет ангелом на небе». Подумал – ну что ты за чушь несешь? Каким ангелом? Бред. Григорий Егорович, плача, пробормотал: «Да, да. Знаю. Только... тельце... сына... жалко».

Пошли на кладбище. Шли молча. Когда пришли, машина с гробом уже ждала. Несколько человек взяли гроб на плечи, понесли. Пришлось пробираться сквозь лабиринт могил, крестов, оград. Наконец, опустили гроб в землю. Бросили по щепотке земли. Начали зарывать. Женщины заголосили. Я тоже заплакал – всегда был слаб на глаза.

Рушилась моя, так и не окрепшая вера. Отлетала к чертям. Вот она, правда – грязное русское кладбище, голосящие бабы, «тельце», огромный кадык отца Леонида, ржавые ограды, бедные могилы. А мои иконы – это все «лжа». И вся церковная галиматья не стоит ржавой копейки. И не будет тут никакого «православного царства». Все будет как всегда было. Из одного рабства – в другое. Уезжать надо! Боже мой, куда уезжать? А что, если везде так? Как жить на чужбине без таких людей как Лизочка и Григорий Егорович? Без корней, без языка. Пропадать.

После похорон пошли в дом. Кровать в комнате составили. Шкаф очистили от цветных бумажек. Все было строго, тихо и страшно. Многочисленные гости пили и ели. Потом начали расходиться.